

5-й Европейский исторический форум

Что нас объединяет и что разделяет?

Европейская историческая память о насильственных миграциях и депортациях в 20-м веке

Историки, журналисты, деятели культуры, а также музейные работники и сотрудники неправительственных организаций из одиннадцати европейских стран собрались 23 - 24 мая в берлинском Фонде им. Генриха Бёлля, чтобы в рамках 5-го Европейского исторического форума обменяться мнениями о событиях, приведших к насильственным миграциям и депортациям в 20-м и 21-м веке. Как воспринимать эту страшную память и одновременно способствовать примирению? Какие политические и юридические шаги были предприняты за прошедшие десятилетия, чтобы привести в действие процессы осмысления и компенсации? Как вне рамок персональной вовлеченности и на основе многогранного подхода собрать общеевропейский архив памяти? Эти и другие вопросы обсуждались на форумах и в рабочих группах путем рассмотрения различных примеров. Ниже приведен общий обзор.

Европейская культура памяти – в чем состоит современная идея?

Как сказал в своей приветственной речи Вальтер Кауфман (Walter Kaufmann), руководитель подразделения Восточной и Юго-Восточной Европы Фонда им. Генриха Бёлля, идея совместной европеизации культуры памяти в ходе первого Исторического форума, состоявшегося пять лет назад, еще представлялась вполне реалистичной, хотя и сложной задачей. Оба организатора мероприятия – Фонд им. Генриха Бёлля и московский Научно-информационный центр «Мемориал» были твердо намерены способствовать созданию плюралистической идентичности и европейской культуры памяти. «Объединение Европы по окончании холодной войны на первом этапе породило большие надежды на то, что падут также стены, разделяющие различные подходы и интерпретации истории», – заявил Вальтер Кауфман. «Надежды на то, что мы, главным образом при рассмотрении событий 20-го века в Европе, сможем выработать общее понимание истории, в рамках которого преступления национал-социализма и сталинизма будут поняты и проанализированы как кульминационные моменты и, тем самым, как негативные отсчетные точки деспотизма без их взаимной компенсации.» Сегодня же, по словам руководителя подразделения Фонда, в условиях современного кризиса с беженцами, войны на востоке Украины и усиления националистических настроений на всей территории континента призывы к общеевропейской идентичности и общей культуре памяти в Европе воспринимаются практически как утопия.

С российской точки зрения идея общеевропейской культуры памяти также стала казаться делом далекого будущего. Это отчетливо пояснил в своем докладе соучредитель «Мемориала» Арсений Рогинский. «Мы переживаем сегодня очень сложный период», – сказал он, – «период, когда история стала политикой.» Сталинский террор до сегодняшнего дня не подвергнут анализу, Вторая мировая война и эпоха

холодной войны рассматриваются обобщенно и в рамках черно-белых противоречий. В стране насаждается культ войны и победы. В целом создалась драматичная ситуация, когда прошлое остается без осмысления. «Что же нам делать?», – задается вопросом Арсений Рогинский. Он предложил три подхода к анализу исторических событий, которые становились предметом постоянных обсуждений в ходе форума: 1. покончить с анонимностью жертв террора и депортаций, назвав их поименно в книгах памяти с соответствующими фотографиями; 2. требовать принятия правового акта, в котором преступления будут официально признаны таковыми; 3. проанализировать воспоминания и опыт насильственно переселенных лиц путем опроса их на местах.

Новый нарратив для новой Европы

Тот факт, что Европе сегодня предстоит решить трудную историческую проблему, отметила в своем вступительном докладе культуролог Алейда Асман (Aleida Assmann). Эта проблема заключается, с одной стороны, в том, что требуется найти новый нарратив применительно к истории насильственных миграций и депортаций 20-го века. Нарратив вне контекста национально-политических манипуляций; свободный от реваншистских и враждебных аспектов, которыми он был наполнен в годы холодной войны; не созданный и не воспринимаемый в качестве контраргумента памяти о Холокосте. В котором различные воспоминания о бегстве и изгнании излагаются как часть общеевропейской миграционной истории.

Этот новый нарратив нуждается, с одной стороны, в новом идеале Евросоюза. Начало данному дискурсу уже положено. Правые политические силы стремятся назад к националистическому прошлому 1950-х годов. «Спрятаться в ностальгическом бункере национального прошлого, однако – это не решение проблемы, поскольку повернуть назад часы истории не так просто», – говорит Алейда Асман. «Их не удастся вернуть в прошлое хотя бы потому, что европейское развитие принесло исторические, политические и культурные достижения, которые сами по себе необратимы, я повторяю – необратимы вопреки любым попыткам их аннулировать.»

Новый идеал Евросоюза заключается в том, чтобы восстановить и утвердить «европейскую мечту» о свободе, примирении, демократии и правах человека. «Вместо того, чтобы перед лицом новых проблем отказываться от Европы, главная задача сегодняшнего дня заключается как раз в обратном: укрепить Европу как солидарное общество, основанное на принципах гуманности.» Проект «Европа» увенчается успехом только при условии, что все будут преследовать одинаковые цели: «кроме политиков и чиновников также и граждане общества, кроме принимающего беженцев социума также и сами беженцы, наряду с Германией также и другие европейские государства». «Мы все ответственны за то, как она [незавершенная история Европы] будет рассказана.»

Память о насильственной миграции в Восточной и Юго-Восточной Европе

За призывными словами Алейды Асман последовал первый дискуссионный форум. Какие воспоминания о бегстве и депортации живы, какие находят поддержку, а какие – скорее вытесняются? Этим вопросам посвятили свои выступления ученые и активисты из Украины, Боснии-Герцеговины и России. Были приведены весьма противоречивые примеры.

Начал обсуждение темы живущий в Киеве и Берлине историк Андрей Портнов в своем докладе о польско-украинской истории 20-го века. Он рассмотрел ряд решающих исторических событий: с одной стороны, польско-украинскую войну 1918 года и с другой – Волынскую резню 1943 года, когда около 60 000 поляков пали жертвой

вооруженных формирований Украинской повстанческой армии (УПА), что в настоящее время трактуется польской стороной как геноцид. В противоположность этому, на Украине данная тема по большей части замалчивается и именуется в крайнем случае трагедией.

Далее он рассказал о насильственном переселении украинцев в Западную Польшу в 1947 году, а также о современной миграции украинцев в Польшу по экономическим причинам. Польское правительство называет этих людей беженцами в качестве аргумента против квоты беженцев, установленной Евросоюзом. По принципу: мы не можем принять сирийцев, так как у нас уже есть свои собственные беженцы. Далее Андрей Портнов описал драматичное положение украинских беженцев внутри страны. В настоящее время в стране от 1,5 до двух миллионов беженцев, покинувших свои родные места по причине войны в восточной части и крымского кризиса.

Несмотря на сложную историю насильственных миграций и депортаций, простирающуюся до наших дней, обе страны не готовы принять ответственность за произошедшие события. Кроме того, зачастую отсутствует контекстуализация.

Второй пример, приведенный Бельмой Бечирбашич (Belma Bećirbašić) из Сараево, был посвящен теме сексуального насилия в качестве побочного явления или средства насильственной миграции. Журналистка рассмотрела в своем докладе систематические преступления массового изнасилования в ходе боснийской войны 1992 - 1995 гг. По словам Бельмы Бечирбашич, женщин насиловали, чтобы деморализовать противника. Изнасилования по сегодняшний день используются как средство войны, будь то в Судане, Сирии или Конго. Международное сообщество, однако, не признает их в качестве такового.

Судьба примерно 20 000 женщин и девочек до сих пор неизвестна – несмотря на приговор против Кунарака (Kunarac), вынесенный трибуналом ООН по делам военных преступников в 2001 году, в котором изнасилования признаны преступлением против человечества. Однако большинство преступников до сих пор остаются безнаказанными. Женщины по-прежнему дискриминируются обществом. Правительственные компенсации жертвам не выдаются. Вместо этого данная тема переводится в разряд обыденности.

Несмотря на сложность общей ситуации есть и позитивные, внушающие надежду события. Так, показ созданного в 2006 году фильма «Грбавица» («Grbavica») Ясмилы Жбавич (Jasmila Žbanić), в котором двенадцатилетняя девочка узнает о том, что ее мать была изнасилована и она является дочерью насильника, побудил власти к отдельным выплатам социальных компенсаций.

В своем выступлении Александр Черкасов в качестве третьего примера привел депортацию чеченцев и ингушей в годы Второй мировой войны. О том, что произошло 23 февраля 1944 года, сегодня ни словом не вспоминают ни в России, ни в Чеченской республике, констатировал директор московского правозащитного центра «Мемориал». Вместо того в этот день празднуют День защитника отечества (до 1991 года: День Советской армии). В качестве Дня народной скорби в историю Чечни была вписана другая дата: 10 мая, день после убийства отца нынешнего президента Ахмада Кадырова, ставшего в 2004 году жертвой покушения во время празднества Дня победы.

В 1994 году в центре Грозного был установлен памятник депортированным. Но в 2014 году он был снесен. Часть его была восстановлена неподалеку от памятника полицейским, павшим в ходе антитеррористических операций. Первоначальный смысл

мемориала на сегодняшний день полностью утрачен. Лица, занимавшиеся исследованием истории депортации, подверглись преследованиям и тюремному заключению, как, например, Руслан Кутаев. Таким образом, со стороны официальных властей память о депортациях отсутствует, но в семьях, в которых были депортированы предки, об этом много говорят.

К памятным событиям чеченского народа сегодня наряду с принудительной миграцией 1944 года относится Кавказская война 19-го века и обе чеченские войны последних 22 лет. «Есть опасения, что это тяжелое наследие станет причиной новых кризисов. В особенности учитывая тот факт, что в России его не исследуют и замалчивают», – сказал Александр Черкасов.

Трудный путь прощения и осмысления

Какие политические и юридические шаги были предприняты за последние десятилетия, чтобы проанализировать факты беззакония и возместить нанесенный этим ущерб в соответствии с новой реальностью? На этот вопрос была предпринята попытка ответить с использованием различных примеров в рамках второго форума. Он был посвящен событиям в Грузии, в Крыму и на Кавказе.

Форум открылся выступлениями двух историков из Тбилиси – Давида Ишкариани (David Jishkariani) и Гиорги Сордия (Giorgi Sordia). Они поведали о судьбе месхетинцев, ранее проживавших в районе грузинско-турецкой границы. Давид Ишкариани рассказал о том, что в 1937 году московские власти направили экспедицию в этот регион, чтобы определить, какие национальности проживают там на границе. Результаты были доложены лично Лаврентию Берия, который позднее руководил сталинскими чистками. По словам Давида Ишкариани, пограничный район был для советского правительства трудно постижим. Проживавших там людей относили то к тюркским народам, то к туркам, то к азербайджанцам. Чтобы подчинить регион контролю властей, постоянно осуществлялись депортации, которые продолжались до 1944 года.

Причины того, почему месхетинцы до настоящего времени по большей части не проживают на своей исконной родине, рассмотрел в своем докладе Гиорги Сордия. Лишь малая часть возвратилась в 1960-х и 1970-х годах в Грузию, но поселилась в западной части страны. Въезд в пограничный район им был запрещен. Тысячи других месхетинцев продолжали жить за границей – в Азербайджане, Казахстане, России и с 2004/05 года также в США. В конце 1990-х годов как условие принятия в Европейский совет грузинскому правительству была вменена обязанность обеспечить месхетинцам возможность возврата на родину. Но несмотря на принятый наконец в 2007 году закон о восстановлении месхетинцам гражданства с того времени изменилось немного. По словам Сордии, правительство предпринимает недостаточно усилий по преодолению доминирующего в Грузии с 1990-х годов этнического национализма, который усматривает в поселении нехристиан угрозу для общества. Людям разрешено приезжать, но им не оказывается никакой поддержки в интеграции на местах. Им не предоставляется жилье, не оказывается консультативная помощь. Населению Грузии не разъясняют исторические причинные связи. Искренняя политическая инициатива в проблеме месхетинцев не просматривается, и потому ситуация в целом не дает поводов для оптимизма.

Исторической памяти крымских татар был посвящен реферат Гульнары Бекировой. В последнее время эта тема стала предметом внимания широкой общественности – благодаря выступлению Джамалы на «Евровидении», которая с песней «1944» в текущем году стала победительницей этого международного конкурса, а также

многократно премированному фильму «Хайтарма» 2013 года о депортации крымских татар. Этот фильм в настоящее время запрещен к показу в России.

С момента аннексии Крыма Россией нарастает оказываемое на украинское меньшинство давление, заявила Гульнара Бекирова. Ежегодные мероприятия, проходившие 18 мая в память депортации – исторического события, признанного украинским правительством как геноцид – запрещены, как и представительские организации крымских татар. Публикации, в том числе ее книга о Мустафе Джемилеве, вышедшая в 2014 году, изъяты из продажи в Крыму российской службой безопасности ФСБ. Лидерам крымских татар – упомянутому Мустафе Джемилеву и Рефату Чубарову – въезд в Крым запрещен. Кроме того, в дополнение к этим, внушающим озабоченность событиям на полуострове прекращено действие независимых средств информации.

Дискуссию завершили два доклада, посвященные памяти о депортации и уничтожении сербских и хорватских мирных жителей в Краине в годы Хорватской войны 1991 - 1995 гг. О сложностях осмысления этих многогранных событий сообщили Драган Марковина (Dragan Markovina), историк из Сплита, и Весна Тершелич (Vesna Teršelič), историк и директор Центра преодоления прошлого «Documenta» в Загребе.

Даже спустя более 20 лет после окончания войны этим преступлениям не дана должная оценка. В Хорватии 4-е августа, то есть день, когда началось военное наступление «Штурм», является Днем победы. «В прошлом году состоялся даже военный парад, что довольно нетипично», – сообщила Весна Тершелич. Официальная память о сербских жертвах отсутствует. В своем отношении к этим событиям общество глубоко расколото. На уровне гражданских инициатив, однако, предпринимаются попытки придать жертвам индивидуальное лицо. По словам Тершелич, в рамках интернет-проекта www.croatianmemories.org на сегодняшний день опрошены 500 пострадавших.

Станут ли преследования и депортации частью европейской памяти?

Может ли на основе совокупного опыта насильственной миграции 20-го века возникнуть новая европейская идентичность? Этому вопросу был посвящен третий дискуссионный форум, в котором участвовали Малгожата Ручниевич (Małgorzata Ruchniiewicz), специалист по истории из Вроцлавского университета, пражский публицист Ярослав Шонка (Jaroslav Šonka) и историк Штефан Тробст (Stefan Troebst) из Лейпцигского университета.

Штефан Тробст пояснил, почему он, исходя из современной исторической политики Евросоюза, не верит в возможность формирования европейской памяти в данный период времени. В противоположность этому, он наблюдает процесс формирования памяти в странах Центральной Европы, движущей силой которого являются Германия и Польша. Они, в числе прочего, инициировали в Европейском парламенте принятие соответствующей резолюции. В ней, как минимум, содержится тот общий политический вывод, что тоталитаризм является фундаментальным злом прошедшего столетия. «За этот предел достигнутый консенсус не выходит», - заявил Тробст. Как он предполагает, планируемый к созданию Дом европейской истории в Брюсселе также не будет способствовать выработке нового, многоперспективного понимания тематики насильственных миграций и депортаций. Основная концепция постоянной экспозиции этого Дома-музея, которая до публикации содержалась в тайне и не обсуждалась общественностью, уже является делом решенным и дискуссиям не подлежит. Планируется циклическая смена экспозиций: «Становление Европы» (от средневековья до ранней эпохи современности), «Затмение Европы» (первая

половина 20-го века), «Разделенный дом» (годы холодной войны) и «Преодоление границ» (после 1989 года), которая, по словам Тробста, будет заканчиваться взглядом в «светлое, как предполагается, будущее».

Малгожата Ручниевич и Ярослав Шонка дополнили рассуждения Тробста применительно к польско-немецким и чешско-немецким процессам осмысления прошлого. Многое, о чем в течение первых десятилетий после Второй мировой войны велась речь в ходе внутригосударственных дискуссий среди победителей и жертв и что препятствовало примирению, сегодня может стать предметом нового обсуждения в диалоге между Польшей и Германией, с одной стороны, и между Чешской республикой и Германией, с другой, в результате чего при условии четко выраженного отказа от реституций и реванша может быть выработан новый подход. Концепция общеевропейского дома при этом, однако, никакой особой роли не играет.

Интересной была последующая дискуссия, когда речь зашла о европейском наследии колониализма и роли, которую Соединенные Штаты играют для либеральной Европы в качестве инициатора, наблюдателя и державы-гаранта. Примечательно, что оба данных аспекта в концепции Дома европейской истории практически или полностью отсутствуют.

Позитивный опыт в искусстве и образовании

В ходе исторического форума стал очевидным тот факт, что деятели культуры зачастую играют важную роль в осмыслении истории насильственной миграции и депортаций. Примерами тому является выставка «По ту сторону границ – забытые беженцы южного Кавказа» фотографа Яна Циклинского (Jan Zychlinski); беседа с художницей Малгожатой Мишнякевич (Małgorzata Miśniakiewicz), которая являлась сокуратором проекта «Presenting a lost home» в рамках мероприятий «Вроцлав – культурная столица Европы»; «Artist Talk» с Асланом Гайсумовым, родившимся в 1991 году в Грозном, который своими простыми по форме и потому весьма впечатляющими видео-инсталляциями рассказывает историю насилий в Чечне. Работы Гайсумова в настоящее время впервые демонстрируются в Музее современного искусства Антверпена в рамках индивидуальной выставки.

Были представлены также примеры позитивного опыта в сфере образования, в том числе проект «Bringing together divided memory» искусствоведа Георга Траски (Georg Traska) из Австрийской академии наук, Вена. Кроме того, обсуждались многообразные возможности посвященных истории интернет-порталов. Как заявил Вальтер Кауфман, эта тема подлежит более подробному рассмотрению на следующем Европейском историческом форуме.

Много нерешенных вопросов и ряд ответов

На многие вопросы Исторический форум ответа не дал. В качестве итога, однако, можно выделить три комплекса вопросов, по которым был достигнут результат.

Как заявил в своем заключительном слове Вальтер Кауфман, с одной стороны, стало ясно, что между войной и жестокой политикой по отношению к населению существует неразделимая связь. Фактом является также то обстоятельство, что желаемые или достигнутые политические результаты войны затмевают историю гонений и депортаций – по сегодняшний день. Память о насильственной миграции зависит от того, к какой стороне принадлежали изгнанные или беженцы. Дискурс памяти о депортациях должен быть освобожден от данного подхода, предлагает Кауфман.

Во втором тематическом блоке рассматривались вопросы осмысления, компенсации и примирения. В этой области были выявлены многие проблемные зоны. В какой степени можно смириться с результатами войн и депортаций? Эти результаты уже нельзя изменить – тот, кто этого требует, быстро скатывается к реваншизму. «Но необходимо найти подходы к тому, как не оставить без внимания произошедшее беззаконие и пострадавших от него – путем общественного осмысления, реабилитации и, возможно, компенсаций.»

Третьим важным политическим вопросом является перспектива примирения в общеевропейском пространстве и примирения различных проявлений памяти. Многие прагматические шаги уже были предприняты, одновременно, однако, происходит вытеснение дискурсов. «Остались нерешенными очень много важных и драматичных вопросов. Прошедший форум способствовал тому, чтобы представить их в должной форме и сделать предметом интересной дискуссии.» Дискуссии, которая будет продолжена в будущем году.

Приложение. Экскурсии

В рамках Исторического форума участникам и в этом году были предложены экскурсии. Они проходили в мемориале на месте лагеря по приему беженцев Мариенфельде; в центральном музее Германии, посвященном побегам и выезду из ГДР; у мемориала «Берлинская стена»; в межкультурном реабилитационном парке «Аромат роз», месте встречи мигрантов, депортированных лиц и переселенцев из Боснии-Герцеговины; в Международном конгресс-центре (ICC), где в настоящее время размещены 600 беженцев. О проводимой работе и решаемых там задачах участники экскурсии побеседовали с Матиасом Новаком (Matthias Nowak), директором Мальтийской службы помощи беженцам, и работающей в Службе помощи активисткой Амеи фон Хюльзен-Понсген (Amei von Hülsen-Poensgen).

Мария Угольев

Берлин, май 2016 г.